

Научная статья

УДК 82.0 (092)

DOI 10.17223/18137083/78/5

Зрение и слух в художественном мире С. Д. Кржижановского

Алексей Анатольевич Мансков

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
a-manskov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1957-4875>

Аннотация

С каждым годом возрастает читательский и научный интерес к произведениям С. Д. Кржижановского. За три десятилетия исследований (с момента выхода первой книги писателя в 1989 г.) начальный – описательный – этап изучения подошел к завершению. Теперь необходим переход на новый концептуальный уровень, подразумевающий наличие других научных ракурсов и направлений. Изучение способов восприятия реальности персонажами в художественном мире Кржижановского является актуальным, так как исследований, посвященных данной тематике, еще не было в современном российском и зарубежном литературоведении. Из всех способов чувственного восприятия реальности автор «Сказок для вундеркиндов» отдает предпочтение зрению и слуху. Кржижановский передает ощущение духа времени в сложный исторический период: первая треть XX в.

Ключевые слова

восприятие реальности, зрение, слух, код, смерть

Для цитирования

Мансков А. А. Зрение и слух в художественном мире С. Д. Кржижановского // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 63–72. DOI 10.17223/18137083/78/5

Sight and hearing in the artistic world of S. D. Krzhizhanovsky

Alexey A. Manskov

Altai State University
Barnaul, Russian Federation
a-manskov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1957-4875>

Abstract

The artistic consciousness of S. D. Krzhizhanovsky is characterized by creating unique mythology, with significant places occupied by sensory perception of reality: visual, auditory, tactile, olfactory, taste. Visual and auditory perceptions dominate due to their functionality:

© Мансков А. А., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 63–72
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 63–72

a person receives the information mainly through sight and hearing. The appeal to audiovisual themes in “Tales for prodigies” is determined by author’s biographical code (poor eyesight, lifelong passion for music) and the cultural context. The literature of the first third of the 20th century is rich in images associated with vision and hearing. On the one hand, Krzhizhanovsky follows the traditions of the “Silver Age”. On the other hand, his works feature common motifs of the works of contemporary writers. The similarity of motifs can be explained by the general spirit of the eve of world wars and revolutions. Sight and hearing become sacralized instruments of spiritual cognition. Sacralization of the senses is carried out through the interaction of auditory and visual codes with death. Death is the main semantic category in Krzhizhanovsky’s short stories and novels. Through the special sensory system, his characters manage to overcome the borders of the familiar world and perceive phenomena hidden from the ordinary eye, realizing the eschatological nature of the world and its apocalyptic nature. A new vision is like physical death to them because they can no longer perceive the world as before. Meanwhile, the world moves steadily toward destruction, with a new resurrection to life being absolutely impossible.

Keywords

perception of reality, vision sense, hearing, code, death

For citation

Manskov A. A. Sight and hearing in the artistic world of S. D. Krzhizhanovsky. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 63–72. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/5

Сигизмунд Кржижановский (1887–1950) – русский писатель польского происхождения; один из ярких представителей модернизма в России, не получивший официального признания при жизни, но оказавшийся востребованным спустя почти сорок лет после смерти. Ему удалось преодолеть инерцию времени, в котором он жил, подтверждая слова собственного афоризма из «Записных тетрадей», ставшего сейчас уже хрестоматийным: «С сегодняшним днём я не в ладах, но меня любит вечность» [Кржижановский, 2010, т. 5, с. 404]. В современном литературном пространстве сформировался объем текстов, позволяющий судить о литературном даровании и многообразии художественного наследия автора «Сказок для вундеркиндов» и «Клуба убийц букв». Всё написанное Кржижановским определяется точным понятием «интеллектуальная проза». Неслучайно В. Г. Перельмутер называл произведения писателя «постскриптумом ко всему корпусу литературы и философии» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 589]. В новеллах и повестях Кржижановского обнаруживаются многочисленные интертекстуальные аллюзии и реминисценции. От читателя требуются наличие высокой эрудиции и осознанный труд для расшифровки той или иной авторской сентенции, скрытой в тексте. Особое звучание произведениям Кржижановского придает их мифологическая составляющая: восприятие реальности через призму мифа и процесс сознательного мифотворчества.

На сегодняшний день творчество Кржижановского активно изучается, и расширяется география исследований: от Москвы и Даугавпилса до Торонто. Формируются научные центры, задачей которых является масштабное осмысление его художественного наследия¹. Первый описательный этап творчества «прозе-

¹ В университете Даугавпилса на кафедре русской литературы и культуры под руководством профессора Ф. П. Федорова (в 2020 г. ушедшего из жизни) была основана научно-исследовательская школа, посвященная изучению творчества Кржижановского. Усилиями ученого с 2001 г. проводились ежегодные научные конференции и семинары, выпускались сборники научных трудов. В течение 2007 г. по инициативе В. Г. Перельмутера на базе

ванного» гения подошел к завершению, и сейчас требуются новые пути и направления для освещения еще не исследованных научных горизонтов.

В художественном мире Кржижановского представлены все формы восприятия реальности: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Они эксплицируются посредством культурных кодов, отражающих работу перцептивно-сенсорной системы. Часто уже в названии произведения дается отсылка к коду, настраивающая читателя на определенное восприятие текста. Подтверждение этому – новеллы «В зрачке», «Левое ухо», «Сбежавшие пальцы», «Неукушенный локоть», «Украденный колокол» и др. Во всех этих случаях культурные коды задают векторы повествования.

Из всех способов восприятия реальности Кржижановским отдается предпочтение зрению и слуху. Во многом эта особенность определяется духом времени, в котором пришлось жить писателю. Формирование его художественных взглядов, а также основные периоды творчества приходятся на первую треть прошлого столетия.

Актуальность статьи определяется впервые осуществляемым опытом комплексного исследования способов восприятия реальности в произведениях Кржижановского.

Целью статьи является изучение зрения и слуха в произведениях писателя, особенностей их функционирования, включенности в авторскую мифологию и соотнесенности с категориями времени и пространства. Особый интерес вызывает механизм взаимодействия визуальных и аудиальных кодов с категорией смерти.

Как отмечает Надежда Ипатова в работе «Аудиовизуальный аспект советской картины мира в литературе 1920–1930-х годов», «...исторические трансформации сопровождаются созданием соответствующего времени визуального и аудиального стандарта с его социокультурным и эстетическим символизмом» [2010, с. 3]. Эта особенность непосредственно находит отражение в искусстве и литературе. Творчество Кржижановского невозможно рассматривать вне исторического, общекультурного и литературного контекста.

Начало XX в. ознаменовало собой наступление новой исторической эпохи. Это период слома старых социально-политических формаций и возникновения новых. Многие поэты и писатели стремились передать ощущение духа времени. Признанным кумиром образованной молодежи 1910–1920-х гг. был Александр Блок. Трагический тенор эпохи оказал значительное влияние на формирование художественных взглядов Кржижановского. Для произведений Блока свойственна особая аутентичность в восприятии реальности. В автобиографической поэме «Возмездие» он писал о XX столетии:

Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятёжи...

Обращаясь к современнику, поэт спрашивал его:

электронного журнала «Toronto Slavic Quarterly» проводился ежеквартальный семинар «Sigmund Krzhizhanovskii and His Contemporaries» («Сигизмунд Кржижановский и его современники»), посвященный 120-летию со дня рождения писателя.

Что ж, человек? – За ревом стали,
В огне, пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
[Блок, 1971, с. 195].

Это связано с интенсивностью политических событий, произошедших в первую треть XX в. На это время приходятся три войны (Русско-Японская, Великая I Мировая и Гражданская) и три революции (1905 года, Февральская, Октябрьская). За ними последовало формирование нового советского государства.

Блоку удалось не только воссоздать многогранный облик эпохи, но и передать его трагический характер. Особенно остро в нем ощущается эсхатологическое настроение. Двадцатый век его напоминает собой апокалиптические видения Иоанна Богослова. Еще до появления «Слова о погибели земли русской» Ремизова и «Окаянных дней» Бунина поэт пророчески предсказал грядущие события русской истории.

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь
[Блок, 1971, с. 194].

В описании века преобладают визуальные и акустические образы (тень Люциферова крыла, пожары, комета, землетрясение в Мессине, шум ревущей машины). Такое понимание реальности было характерно не только для автора поэмы «Двенадцать», но и для других поэтов и писателей. Так, перу Мандельштама принадлежит книга воспоминаний «Шум времени», в которой он описывает события и реалии российского быта конца XIX и начала XX в. Своей книге он дает говорящее название, обозначающее вектор повествования. В прозе 20–30 гг. XX в. встречается большое количество произведений, в названиях которых фигурируют отсылки к зрительным и аудиальным формам восприятия реальности. Подтверждение этому – произведения Грина («Глаз и голос», «Голос и звуки», «Ужасное зрение»), рассказы Булгакова и других авторов. В этом отношении Кржижановский не составляет исключения. С одной стороны, следуя символистской традиции, он перенимает от Блока трагедийное (апокалиптическое) восприятие эпохи, с другой стороны, в его произведениях обнаруживаются общие мотивы, присущие творчеству Булгакова, Грина и другим писателям-современникам.

Обращение Кржижановского к зрению и слуху во многом объясняется биографически. Из-за слабого зрения ² он был вынужден носить очки, так как без них

² Проблемой зрения в художественном мире Кржижановского занимались Е. Г. Трубецкова «Мотив деформации зрения в новеллах С. Д. Кржижановского» [2018], С. П. Лав-

видел очень плохо³. Многие из его персонажей носят оптические приборы, улучшающие работу зрения (очки, пенсне). Подтверждение этому – новеллы «Чётки», «Граи», «Автобиография трупа», «Яичница в пенсне» и др.

Необычной особенностью, отличающей новеллы и повести Кржижановского от произведений его современников, является пристальный интерес к анатомии глаза⁴. Образ глаза (глаз) повторяется на протяжении всего творчества писателя. В новелле «Чётки» персонаж, называемый думальщиком, получает подарок от таинственного незнакомца – четки, состоящие из глаз философов-метафизиков.

«Странные чётки». Я перерезал нить: две-три крайних бусины покатились по столу. Я взял одну из них в пальцы: из руки прямо на меня глядел остеклившийся, с полуслившимся белым зрачком глаз [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 169]⁵.

В «Грайях» возникает образ дерева, на котором вместо плодов растут человеческие глаза.

Тэк взглянул: в трех шагах от них в сером воздухе сумерек белели какие-то странные круглые плоды, густо облепившие ветви невысокого деревца. Мальчик сделал шаг вперед. Протянул руку: пальцев коснулось что-то склизкое и холодное. Дернул за белый нитевидный черенок и поднес сорванное к глазам: из руки прямо на него смотрел – то расширяя, то суживая зрачок – человеческий глаз (т. 1, с. 169).

Обращение к образу глаз объясняется актуальностью проблемы зрения для Кржижановского. Это пример того, как невоплощенные идеи автора переносятся на персонажей: слепой Цекус в «Граях» обретает способность видеть, думальщик начинает созерцать другие вселенные и т. д.

С точки зрения функциональности слух не уступает зрению в произведениях Кржижановского. Доказательство этому – многочисленные коды, связанные с аудиальным восприятием реальности, акустические и фонологические образы и категории. Для этого есть ряд предпосылок. Автор «Сказок для вундеркиндов» родился в музыкальной семье. Его мать Фабиана Станиславовна была талантливым музыкантом и привила сыну с детства любовь к музыке. Кржижановский хорошо играл на фортепиано и пел. Будучи взрослым человеком, он преподавал в Киевской консерватории.

линский «Позиция нарратора и читателя в повести Сигизмунда Кржижановского “Автобиография трупа”» [2018] и другие исследователи.

³ В большинстве случаев на фотографиях, оставшихся после смерти Кржижановского, он запечатлен в очках или пенсне. Исключения составляют снимки гимназического периода. «Образ очков (с разными функциональными нагрузками) – один из частотных в литературе 20–30-х гг. У Кржижановского он мотивирован и автобиографически» [Трубецкова, 2013, с. 63]. «Близорукость, от которой страдал и сам автор, в его текстах выполняет эстетическую функцию: она создает непривычные ракурсы описания, делая знакомые предметы “увиденными впервые” (“Автобиография трупа”, “Чуть-чуть”, “Глазунья в пенсне”))» [Трубецкова, 2018, с. 145].

⁴ При описании глаз поражает то, как точно описывает Кржижановский особенности функционирования органов зрения, у читателя зачастую возникает ощущение, что автор пользовался при написании рассказа медицинскими справочниками или находился в помещении анатомического музея.

⁵ Далее произведения С. Д. Кржижановского цитируются по этому изданию, в круглых скобках указаны том и страница.

Музыка является одним из смыслообразующих понятий в художественном мире Кржижановского. На страницах его произведений нередко можно встретить персонажей, воспринимающих реальность аудиально. Это мифологические панотии из новеллы «Итанесиэс», жертвующие своими жизнями ради звучаний; Савл Влоб из «Чужой темы», сравнивающий «Божественную комедию» Данте Алигьери с сонатой и мечтающий «вгвоздить ритм в аритмию, научить музыку духовно глухих» (т. 1, с. 264); гастроллирующий музыкант из «Немой клавиатуры», эпантирующий слушателей своими выступлениями; виолончелист из «Смерти эльфа», открывший миру очарование сказочных мелодий, и множество других. Всё это указывает на значимость аудиального восприятия реальности для Кржижановского.

В произведениях писателя аудиовизуальные образы могут быть представлены как отдельно, так и в качестве обобщенного образа. Говоря о себе, персонаж из новеллы «Швы» сообщает следующее: «Пока же двигаюсь, вижу-слышу и даже моментами пробую думать» (т. 1, с. 399).

Употребление глаголов «видеть» и «слышать» эксплицирует семантику восприятия реальности. Наряду с этим они соотносятся с движением персонажа в пространстве и мыслительной деятельностью. Другим примером, подтверждающим этот тезис, является наблюдение обитателя шва за другими людьми.

Однако первые же опыты убедили меня, что охота за городскими одичностями – дело чрезвычайно трудное и кропотливое. Горожанин, привыкший лавировать среди ушей и глаз, ловко выскользает из наблюдения, не дает никак и никогда вклиниться ему в «я» (т. 1, с. 410).

В этом фрагменте автор обозначает границы восприятия: «лавировать среди ушей и глаз». Здесь не называются другие органы чувств, а только зрение и слух в силу их релевантности. Эта особенность обнаруживается и в новелле «Чудак».

Исподволь в сонную молч окопного бдения стала прокрадываться, прячась от глаз и уха, какая-то странная зябкая жуть (т. 2, с. 446).

Зрение и слух для Кржижановского являются не только органами чувств, позволяющими воспринимать окружающую реальность, но и инструментами духовного познания. Их функционирование определяется особенностями авторской мифологии писателя. Как отмечает раннехристианский апологет II в. Феофил Антиохийский, «...телесные глаза у зрячих людей видят предметы этой земной жизни и усматривают различие, например, между светом и тьмою, между белым и черным, между безобразным и красивым... как уши различают звуки, подлежащие слуху – резкие, тяжелые или приятные: так точно есть уши сердца и очи души, чтобы видеть Бога. И Бог бывает видим для тех, кто способны видеть Его, у кого именно открыты очи душевные»⁶. В этом отношении Кржижановский отходит от христианской традиции. Его персонажи оказываются в состоянии слышать таинственные звучания, недоступные обычному слуху, и видеть другие миры, однако их генезис остается неизвестным. Как правило, результатом этого становится разрушение личности и другие патологии психики.

В мифологической картине мира Кржижановского зрение и слух сакрализуются. Процесс сакрализации осуществляется посредством их взаимодействия с кате-

⁶ Святитель Феофил Антиохийский. Послания Автолику. URL: <http://mstud.org/library/th/theophile/avtolik.htm> (дата обращения 28.06.2021).

горией смерти. Эту особенность можно проследить на материале новелл «Фу Ги», «Чётки», «Соната...» и др. Так, перед тем, как закончить свой жизненный путь, философ Фу Ги обращается к персонифицированным Небу и Земле:

И положив кисть, сказал Тишине неба: «Войди». И она, одетая в звезды и солнца, смиренно вошла сквозь зрачок Фу Ги в его левый глаз. Тогда сказал Фу Ги Тишине земли: «И ты». И та, укрытая в темные одежды свои, вошла в его правый черный глаз. Тогда Фу Ги опустил веки и стал недвижим, а ученики его, придя в обычный час, пали ниц с криком: «Горе нам! Великий Фу Ги умер» (т. 1, с. 121).

В новелле «Чётки» персонаж обретает новое видение мира.

Чьи-то тонкие пальцы втиснулись мне в горло, и новый мир, разрывая зрачки, острыми скальпелями врезаясь в мозг, входил в меня (т. 1, с. 173).

Обретение способности созерцать другие вселенные соотносится с физической смертью обладателя чёток. Он умирает для мира.

Схожая тенденция проявляется и в отношении слуха. В новелле «Мост через Стикс» аудиальные и визуальные коды накладываются на культурный код смерти. Обитатели подземного мира наблюдают за тем, что происходит вокруг них.

Отжитые жизни сами ткнут чернотный ковер, выстилающий стиково русло. Зарывшись по самые глаза в дно дней, мы слушаем лишь высокий и дальний плеск Харонова весла и видим скользящую тень его ладьи, блуждающую меж берегами: живым и мертвым (т. 2, с. 501).

Само пространство Стикса несет в себе семантику сакральности. Инвариантом смерти является Харон, перевозящий души с одного берега реки на другой. Акустический образ плеска весла соединяет рассматриваемые смысловые интенции воедино.

Необычное сочетание аудиального кода с культурным кодом смерти обнаруживается в новелле «Соната “Death’s Door”».

Парснип перегнулся к соседу слева – в руке у него белел листок программы – и тихо спросил:

- Что это?
 - Соната Des dur.
 - Как? Death’s door?
 - Да
- (т. 3, с. 137).

Метафора death’s door (*порог смерти*) является следствием фонетической ошибки персонажа (случайное сходство слов). Вместо названия тональности сонаты des dur ему слышатся слова «death’s door». Это словосочетание становится материальным выражением экзистенциальной сущности лорда, пришедшего на концерт в Кинг-Холл (маргинальное существование Парснипа на границе реальности – дословно *на пороге смерти*). По ходу развития сюжета новеллы изменяется первоначальная сущность музыки. Из музыкальной темы, исполняемой симфоническим оркестром, она превращается в сакральное явление, обладающее коннотациями потустороннего мира.

Зачастую персонажам Кржижановского удается не только преодолеть границы физического мира, постигая явления, недоступные обычным органам чувств, но

и увидеть реальность в ее истинном виде. Они приходят к осознанию того, что мир находится в состоянии апокалипсиса, и являются непосредственными свидетелями этого ⁷. В качестве примера рассмотрим фрагмент новеллы «Бог умер», в котором изображается будущее человечества ⁸.

Звёзды сгорали и гибли одна за другой. <...> Электрические солнца, повисши на проводах от небоскрёба к небоскрёбу, заслоняли бело-жёлтыми лучами беззвёздящееся, пустеющее небо. Но понемногу и орбиты соседних планет стали разрываться и спутываться. Тщетно выпученные стекла телескопов обыскивали чёрную бездну, пробуя изловить хоть один звёздный блик. Вокруг земли зияла черным-чёрная тьма. Теперь нельзя было скрывать от масс: укрощённая числами, расчерченная линиями орбит бездна, расшвырвав звёзды, смыв орбиты, восстала, грозя смертью и земле (т. 1, с. 261).

При описании мировой катастрофы акцент делается на визуальном восприятии реальности. Персонаж наблюдает за гибелью звезд и наступлением тьмы. Здесь очевидны отсылки к библейскому тексту («Откровение Иоанна Богослова»). Однако если в книге апокалипсиса конец света соотносится со вторым пришествием Христа, то в художественном мире Кржижановского отсутствует всякая надежда на воскресение Бога. Последние слова новеллы – прямое подтверждение этому: «Тщетно: Он был мёртв. Навсегда» (т. 1, с. 264).

Другой иллюстрацией торжества смерти над жизнью является образ немых колоколов в новелле «Красный снег».

...на приземистой колокольне в полном беззвучии под рывками веревок раскачивались колокола. Но ветер повернул правую полу – и снова навстречу скольжению шагов с новой, на этот раз высокой, в узорных слухах, колокольни, бешеная раскачка безъязыких, звонящих беззвонный благовест колоколов (т. 5, с. 156).

Образ колоколов в приведенном фрагменте поражает глубиной экспрессии. Описываемые в тексте колокола лишены звучания. Несмотря на их раскачивание, благовест остается неслышимым. Беззвонный благовест служит выражением гибнущего мира. Персонаж новеллы воспринимает то, что не видят и не слышат другие. Но и его мольба остается гласом вопиющего в пустыне.

Функционирование зрения и слуха, а также связанных с ними культурных кодов, не только указывает на соотнесенность этих понятий с категориями пространства и времени в художественном мире Кржижановского, но и свидетельствует об их включенности в авторскую мифологию писателя. Зрение и слух реализуются в двух логиках: эмпирической (восприятие окружающей реальности) и мифологической (духовное видение). Визуальные и аудиальные коды являются первичными по отношению к кодам, отражающим работу других сенсорных сис-

⁷ С. Кржижановский – писатель, творчество которого пронизано эсхатологическим мироощущением рубежной эпохи. Опираясь на наследие русской религиозной философии и предшествующую литературную традицию, Кржижановский выстраивает концепцию так называемого «Щелиного Царства» – пишет Апокалипсис современной ему страны» [Ливская, 2009, с. 6].

⁸ Исследованию новеллы «Бог умер» посвящена глава «Мир будущего и остров Третьего Завета» в монографии А. А. Манскова «Образы “стран, которых нет” в художественном мире С. Д. Кржижановского» [2018, с. 41–66].

тем. Сочетаясь друг с другом, они образуют своеобразие текстуальной реальности писателя с его пугающей логикой фантазмов и странностью придуманных им сюжетов.

Список литературы

- Блок А. А. Соч.: В 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 3. 414 с.
- Ипатова Н. Г. Аудиовизуальный аспект советской картины мира в литературе 1920–1930-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 179 с.
- Кржижановский С. Д. Соч.: В 6 т. СПб.: Symposium, 2001. Т. 1. 687 с.; Т. 2. 702 с.; 2003. Т. 3. 777 с.; 2010. Т. 5. 637 с.
- Лавлинский С. П. Позиция нарратора и читателя в повести Сигизмунда Кржижановского «Автобиография трупа» // Вестник РГГУ. Серия: История, филология, культурология, востоковедение. 2018. № 2-2 (35). С. 221–230.
- Ливская Е. В. Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 219 с.
- Мансков А. А. Образы «стран, которых нет» в художественном мире С. Д. Кржижановского: Монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 150 с.
- Трубецкова Е. Г. Мотив деформации зрения в новеллах С. Д. Кржижановского // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы VI Междунар. науч. конф. (Москва, 18–19 декабря 2018 г.). М.: Макс Пресс, 2018. С. 145–149.
- Трубецкова Е. Г. Мир как «дочка зрения»: опыты «Остранения» Сигизмунда Кржижановского // Изв. Саратов. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, № 4. С. 61–66.

References

- Blok A. A. *Soch.*: V 6 t. [Works: In 6 vols.]. Moscow, Pravda, 1971, vol. 3, 414 p.
- Ipatova N. G. *Audiovizual'nyy aspekt sovetskoy kartiny mira v literature 1920–1930-kh godov* [The audiovisual aspect of the Soviet picture of the world in the literature of the 1920s–1930s]. Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2010, 179 p.
- Krzhizhanovskiy S. D. *Soch.*: V 6 t. [Works: In 6 vols.]. St. Petersburg, Symposium, 2001, vol. 1, 687 p., vol. 2, 702 p.; 2003, vol. 3, 777 p., 2010, vol. 5, 637 p.
- Lavlinskiy S. P. Pozitsiya narratora i chitatelya v povesti Sigizmunda Krzhizhanovskogo “Avtobiografiya trupa” [The position of the narrator and the reader in the novel by Sigismund Krzyzanowski “Autobiography of a corpse”]. *RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2018, no. 2–2 (35), pp. 221–230.
- Livskaya E. V. *Filosofsko-esteticheskie iskaniya v proze S. D. Krzhizhanovskogo* [Philosophical and aesthetic searches in the prose of S. D. Krzhizhanovsky]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 219 p.
- Manskov A. A. *Obrazy “stran, kotorykh net” v khudozhestvennom mire S. D. Krzhizhanovskogo: Monografiya* [Images of “countries that do not exist” in the artistic world of S. D. Krzhizhanovsky: Monograph]. Barnaul, ASU Publ. House, 2018, 150 p.
- Trubetskova E. G. Mir kak “dochka zreniya”: opyty “Ostraneniya” Sigizmunda Krzhizhanovskogo [The world as a “daughter of vision”: experiments of “Defamiliarization” by Sigismund Krzhizhanovsky]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 2013, vol. 13, no. 4, pp. 61–66.

Trubetskova E. G. Motiv deformatsii zreniya v novellakh S. D. Krzhizhanovskogo [The motif of vision deformation in the short stories of S. D. Krzhizhanovskogo]. In: *Russkaya literatura XX–XXI vekov kak literaturnyy protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 18–19 dekabrya 2018 g.)* [Russian literature of the 20th–21st centuries as a literary process (problems of theory and methodology of study): Proceedings of the VI International Scientific Conference. (Moscow, December 18–19, 2018).]. Moscow, Max Press, 2018, pp. 145–149.

Информация об авторе

Алексей Анатольевич Мансков, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Alexey A. Manskov, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 17.07.2021;
одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 27.10.2021
The article was submitted 17.07.2021;
approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 27.10.2021*